

Михаил ДАНКОВ

г. Петрозаводск

(О драматической судьбе француза Жозефа Гаспара Ламбера де Герэна)

Кто он?

Хочется верить, что любителей парадоксов и Исторических интриг привлечет забытый сюжет, связанный с историей Карелии. Мы прикоснемся к малоизвестной биографии таинственного француза, «шер ами», генерал-инженера Жозефа Гаспара Ламбера де Герэна.

В российской истории он занимает особое место не только потому, что на глазах царя Петра Алексеевича в ночь на 17 августа 1702 г. перед выходом на легендарную Осудареву дорогу на Вардегорском мысу заколол надежду российского флота голландского морского капитана Питера фон Памбурха. Искусный фортификатор и скандалист с необузданным нравом, грациозно владевший пером и шпагой, он по праву ворвался в ближний круг Петра I. Осенью 1703 г. первым из иноземцев получил высший российский орден Св. апостола Андрея Первозванного. Как армейский инженер, Ламбер де Герэн талантливо готовил взлом шведского кольца на землях Карелии, Приневья и Эстляндии. Но под Гродно в 1706 г. случилось непредвиденное, пассионар-

ный француз не вытерпел провокаций высокопоставленных персон, оставил государя и навсегда покинул Россию. Петр не смог простить отверженного генерала, хотя тот предпринимал многочисленные и настойчивые попытки загладить вину, чтобы пасть к ногам монарха...

Искусный офицер

Однако не стоит торопиться, расскажем все по порядку...

Ламбер де Герэн родился в историческом Дофине – живописной области Франции, хотя точное место рождения и даты его жизни неизвестны. По собственному утверждению, он служил в королевской армии, во Фландрии получил боевой опыт в сражениях против англичан и голландцев. Затем в чине генерала от инфантерии находился в Польше, откуда и отправился в Россию.

«Добрый и искусный офицер» появился в Московии после разгрома в 1700 г. русских войск под Нарвой благодаря «абшиду» Г.Ф. Долгорукого, чрезвычайного посла России при дворе польско-

го короля Августа Сильного. Исходя из даты ныне утраченного №18 архивного дела РГАДА «Въезд в Россию ...Ламберта Девгерена с товарищи», следует, что он пересек границу в ноябре 1701 г. и въехал в Белокаменную 19 декабря.

До Москвы он добирался в компании французских офицеров, имея на руках 82 руб. и харч, которые получил от смоленского воеводы П.С. Салтыкова.

О своей службе в Европе Ламбер де Герэн сообщал туманно: «у генералов пасов не бывает», но предлагал именовать себя небывалым титулом «крайнего художества инженерного и архитейсконики воинской президента».

Архивный фантом

На полях описи архивного дела о въезде в Россию сохранилась чернильная пометка от 16 октября 1947 г., свидетельствующая, что отсутствие документов установлено «по ревизии 1938 года». Неужели интригующие материалы «всероссийского генерал-инженера» Ламбера де Герэна, детализирующие драку с голландским «флото-капитаном» Памбурхом, пропали в советское время?

Однако ситуация более запутана. Очевидно, материалы были изъяты из Московского архива Коллегии иностранных дел «по высочайшему повелению» Николая I и отправлены в Санкт-Петербург для А.С. Пушкина, который приступил к вдохновенной работе над «Историей Петра Великого».

Во всяком случае, согласно «Реестру выездам старых лет...» от 10 января 1836 г., напротив списка отсутствующих актов и дел находим приписку карандашом «Представить его Величеству». В это трудно поверить, но скорее всего действительно великий поэт и государь изучали документы увлекательного «Следствия о заколо-том на Вардегорском мысу у Нюхчи волостной капитане Памбурхе».

Также пропали «Дела о даче ему жалованья за его службу и кормовых денег», интересные «Письма его Ламберта к Государю и к министрам по уходу его (1706 года) в Польшу», а также любопытное «Следственное дело о укрывательстве его в Берлине». К сожалению, местонахождение свидетельств, способных поведать о беспокойной жизни француза в России, сегодня неизвестно. Возможно, следы исчезнувших материалов следует искать в РГВИА в бумагах К.В. Несельероде, руководителя иностранной коллегии Российской империи.

Источники о «бесчестном человеке»

Лакуны в биографии Ламбера проясняет анонимный трактат XVIII в. «Разговор между трех приятелей, сошедшихся в одном огороде, а именно Менарда, Таландра и Варемунда». Малоизвестное сочинение, опубликованное в 1841 г., сообщало на Западе о «мерзких поступках» Ламбера де Герэна, якобы «бесчестного человека» и «виселицы достойного». Таланты инженера, названного «Ламберотом», в памфлете подвергались сомнению.

Личность генерала описывается в малоизвестных «Записках из семейного архива», оформленных в виде сочинения Арнольди под названием «Авантюрист начала XVIII века». Материал повествует об офицере инженерных войск Бертроне, чей жизненный путь повторяет карьеру Ламбера, а фамилия является акронимом «LamBERT de GueRIN». Расширяют взгляд на беглеца недавно обнаруженные в РГАДА его оправдательные письма к государю, а также картографические чертежи и планы крепостей с «аксонометрическими» масштабными линейками его руки из Рукописного отдела БАН.

Особое любопытство вызывает сочинение самого Ламбера «Le prince Kouchimen, historia tartare, et Dom Alvar del Sol, histoire napolitane», изданное в 1710 г. в Париже. Трактат повествует об инициативах царя, которому противостоят консервативные бояре. Однако имя «Ку ши мен» является анаграммой «Мен ши ку» и соотносится с фамилией «губернатора и кавалера» А.Д. Меншикова, его личного врага, с которым он прошел Осудареву дорогу. Через образ соратника царя француз выстроил нелцеприятную галерею лиц российской бюрократической элиты, ведь он «долго служил в должности... главного инженера и провел несколько лет в окружении князя Кушимена».

«Скверный провансальский фанфарон»?

Еще до дуэли Ламбера де Герэна «наградили немалым... жалованьем и определили генерал-инженером», хотя он «числился рангом младшего полковника». По условиям найма француз получал 130 ефимков в месяц. Иноземец обладал знаниями в военной инженерии и в 1702 г. через Федора Головина, руководителя Посольского приказа, подал записку о реорганизации русской армии. Он настаивал на полной «автономии инженерного управления» в армии. В ответ российская элита обвинила Ламбера де Герэна в незаконном присвоении звания генерала. Даже его соотечественники пытались насмеяться над ним, называя «сквер-

ным провансальским фанфароном» (un «mauvais fanfaron provençal») и «потрясающим трусом» (un «admirable poltron»).

И все-таки именно Петр Алексеевич поставил генерала в центр событий, связанных с возвратом карельских и ижорских земель, утраченных Россией в Смутное время, и Ламбер превратился в одного из деятельных исполнителей сверхзадачи царя.

В 1702 г. французский фортификатор вместе с государем, гвардейцами, «болярами и начальными людьми» оказался в Архангельске. Он возглавил строительные работы в районе крепости на Линском острове у Березовского устья Северной Двины, где устраивал артиллерийские батареи «с редутами и шанцами», а в Мурманском и Подужемском устьях вбивал сваи и затапливал брандеры с песком.

Результаты оказались блестящими, но в заказном памфлете «Разговор...» утверждалось: «Ламберт показал малое свое искусство в фортификации», а более был «искусен в рисовании всяких планов и фигур», поэтому он «добрый маляр, а не инженер».

«Обнаженная шпага» генерала

В Архангельске царь Петр разработал стратегический шедевр по тайной переброске армии с берегов Белого моря в Ижорию, народом названный Осударевой дорогой. Участником марша стал и Ламбер де Герэн, который вскоре «искусство свое... показал» при атаках шведских крепостей Нотебург (бывший Орешек) и Ниеншанц (Канцы).

Однако начало операции было омрачено пьяной дракой между ним и капитаном малого фрегата «Курьер» («Скорый гонец») голландцем П. фон Памбурхом. Карельский поединок состоялся в нарушение вердикта Посольского приказа от 14 января 1702 г. «О нечинении иноземцам никаких между собою ссор и поединков». Закон предписывал служилым иноземцам быть благоразумными и не ввязываться «с саблями и шпагами» ни в какие «ссоры и не дружбы», иначе противникам будет уготована «смертная казнь без всякой милости».

Удивительно, но Ламбер был «весьма приятельски и конфидендно трактован» с будущим соперником еще в Архангельске. К тому же до дуэли находился на корабле под командой голландца, но якобы «показал пробу своего предательского нрава».

Скандал произошел ночью 16 августа 1702 г. на Вардегорском мысу Белого моря, где «царское величество с транспорта перешел на сухой путь». Тогда Ламбер «вышел на берег» и без свидетелей наедине в лесу заколот Памбурха «шпагою до смерти». На организованном по горячим сле-

дам следствии француз оправдывался, мол, голландец напал «с обнаженною шпагою» и заставил «против себя обороняться». Якобы бесшабашный моряк «шпагу свою против его уставил», а затем «насувсья прокололся». К тому же brutальный капитан принял «изрядную порцию голландской водки» и оскорбил генерал-инженера: «В моей воле, что я тебя в карман мой всуну».

Другой источник, «Записки из семейного архива», детализирует ситуацию, мол, за француза заступились находившийся рядом врач П.В. Постников и саксонский посланник Ф.Э. фон Кенисек. Однако последовал окрик «стой и отвей голландца». Поединок, начавшийся по глупости, мгновенно завершился: «Шпага... пробила кафтан, грудь, сердце Памбурга», который «грянулся на землю, не издав ни звука».

После трагедии Ламбер явился к генерал-майору Семеновского полка И.И. Чамберсу и сдал шпагу. Скорый офицерский суд принял сторону француза, и он в нарушение вердикта о дуэлях был «от ареста освобожден». Государь же, формальный очевидец драки, в письме Ф.М. Апраксину 10 сентября 1702 г. отметил: «Господин Памберх на пристани Нюхчи от генерал-инженера Ламбера заколот до смерти, которой он сам был виною (о чем, чаю, вам не безызвестно)».

Взлом «балтийского вала»

Прощенный «шер ами» в августе 1702 г., находясь в свите кремлевских фаворитов, участвовал в рейде по Осударевой дороге на Повенецкий рядок и далее к Нотебургу на Ладожском озере. В карельском походе фортификатор у Вожмосалми на Выгозере и на р. Верхний Выг организовал «провод» армии по наплавному «мосту», а у Нотебурга «шанцы начел и опроши учинил». В конце сентября он провел «траншейные работы... в виде зигзагов» на опушке леса «в 650 саженьях» от шведской цитадели. В результате 12 октября 1702 г. после мощных атак «охотников» шведский гарнизон крепости «на акорд здался». Однако недруги в очередной раз посчитали, что Ламбер «при осаде оной фортеции... мало своего искусства показать мог».

В апреле 1703 г. русская армия осадила другую шведскую фортецию Ниеншанц на Охтинском мысу р. Невы, где Ламбер вновь проявил инженерное мастерство. Войска заблокировали вал цитадели с правого берега р. Охта. По приказу Ламбера де Герэна и И.И. Чамберса «родом москвича шкотской породы», очевидца дуэли в Карелии, были сооружены траншеи к укреплени-

ям, а на южной стороне мортирные и пушечные батареи. Позже «Гистория Свейской войны» сообщала: «генерал-инженер Ламберт» ночью «апроши зачал... в ближнем разстоянии у города, а именно в 30 саженьях», и 1 мая после приступа и 10-часового шквала артиллерии шведы дали сигнал и цитадель «на акорде же сдалась».

Чертеж крепости «Санкт-Питербурх»

Через несколько дней «искуснейший инженер» Ламбер и саксонский архитектор В.А.Киршенштейн по требованию царя провели ландшафтную разведку в дельте Невы и предложили на острове Люст-Елант возводить новую крепость «Санкт-Питербурх».

Государь потребовал от «Ламбера...потребных планов или чертежей» цитадели. Позже завистники утверждали: француз «неискусство... показал» и его план был «меньше... других апробован», потому «инженера Киршенштейна план... принят».

Справедливости ради отметим, что до сих пор трудно сказать, чья работа послужила матрицей при строительстве Петропавловской крепости, первого сооружения имперского Петербурга, ведь по-прежнему этот документ специалистам недоступен. Однако наиболее древняя лэндкарта деревоземляных укреплений на Неве все-таки принадлежит руке Ламбера.

Речь идет о сохранившемся листе под №137 в отделе рукописей БАН «План Петербургской крепости. Контурный план тушью» (Toyses de Russie) с изображением равелина и прорытого канала. Хочется допустить, что первый чертеж Петропавловской крепости благодаря беглецу мог уцелеть в шведских архивах.

Нам же хочется упомянуть о поразительном сходстве заводской «фортеции» на берегу Онежского озера, возведенной в 1712–1713 гг. с конфигурацией Санкт-Петербургской «крепости, которая ныне есть». Геометрическая схожесть шести бастионных цитаделей на плане М. Витвера и на чертеже Ж. Г. Ламбера де Герэна поражает современных исследователей.

Звезда «Святого Андреа»

В разгар работ на невской «крепостице», 1 октября 1703 г., фортификатор за победы под Нотебургом и Ниеншанцем и за «предвидение, где имперский город встанет» первым из иностранцев, «в присутствии послов Европских», по-

Ламбер де Герэн

*Звезда и знак ордена
Св. Андрея Первозванного*

лучил ленту с орденом Св. апостола Андрея Первозванного.

Он как никто другой ощущал причастность к самой значимой российской награде. Еще 14 сентября 1702 г., преодолевая Осудареву дорогу, Ламбер отправил «грамматку» П.В. Постникову, свидетелю дуэли, и настоял купить «в Парижю» государю и А. Меншикову «великую епанчу». В пакет он вложил рисунок «начертанную звезду... Святого Андреа» с «крестом лазорево-синим» и «венцем империялским выжемчуженным» в серебряных и золотых лучах. Оказывается, это француз предложил пришивать Андреевские звезды «на епанчах господ рицарей». Немыслимое дело, Ж. Г. Ламбер де Герэн угадал скорую необходимость носить парадную одежду с орденом не только царю и Меншикову, но и самому себе.

Однако отметим еще одну ипостась француза. При возведении крепости «Санкт-Питербурх» он успешно демонстрировал не только «деловые обязанности», но с угодливой легкостью, как общал другой участник марша от Белого моря, австрийский посол О.-А. Плейер, превращался в

«придворного шута», и это безумно импонировало царю Петру.

В конце мая 1704 г. генерал находился под Нарвой, где русская армия заблокировала город и сорвала идею шведского вице-адмирала Я. Де Пру высадить десант. Об эпизоде, когда «Lambert a French Ingenier Generall» возводил «шанцы» перед нарвским замком, свидетельствует рукопись 1704 г., недавно обнаруженная питерским исследователем Б. Мегорским в собрании британского Университета в Ноттингеме.

Бегство «шер ами» из России

Ламбера продолжали преследовать скандалы. Осенью 1704 г. француз обратился с жалобой к царю о притеснениях со стороны генерал-фельдмаршала шотландца Г. Б. Огильви, но в результате сам оказался под домашним арестом. В январе 1706 г. инженер Ламбер вместе с русскими войсками попал в ловушку и оказался блокирован в Гродно армией Карла XII. Лишь 24 марта фельдмаршал Георг Огильви, утопив артиллерию и бросив припасы, смог вырваться по наведенной переправе через р. Неман к Тикоцину. Но генерал, вместо жалованья получая «гонения командующих генералов» и «худой трактament», вынужденно «отлучился» из русской ставки.

В действительности Ламбер де Герэн остался в занятой шведами крепости, а через некоторое время отправился к прусской границе и далее в Копенгаген. Рассуждая о причинах ухода, генерал утверждал, что последовал «за своим» королем Августом II, который на время «одолжил» фортификатора Петру I.

Вероятно, между французским инженером и российским генералитетом действительно существовало жесткое противостояние. «Записки семейного архива» сообщают, что до конца жизни он не смог оправдаться за «обман», «разглашенные жалобы» и «ложные клеветы». Современники уход Ламбера оценили прямолинейно и язвительно, считая, что он от «страха или ради измены» покинул войско «яко дезертир» и потом «никогда не возвратился».

В ноябре 1706 г. тайный секретарь П.П. Шафиров, еще один участник похода в Карелии, через А.П. Измайлова, посла в Дании, указал французам «не дерзать» носить высший российский орден.

Просительные депеши царю

Однако бегство Ламбера де Герэна некоторые оценили более терпимо, считая, что тот остался «в Гродно под видом отыскивания инженер-

ных для российской службы офицеров», а затем «переезжая под разными именами, был в Гданьске... Копенгагене... Ливорне». Мы лишь отметим, что до «ухода» инженер исправно исполнял фронтовые поручения, в боевых условиях проводил картографирование местности, что подтверждают сохранившиеся в Библиотеке Академии наук чертежи «Околичные места городов Гродни и Тикошина» с фамильной «розой ветров».

В этом смысле загадочный эпизод «плутовства и побега» нам не во всем понятен. Сам Ламбер, безусловно, сожалел об импульсивном решении. Не случайно он сразу же стал бомбардировать царя корреспонденциями, надеясь получить скорое прощение. В письме из Данцига от 12 мая 1706 г. «всенижайший и всепокорнейший слуга» сообщал Петру, что если ему придется без разрешения «отправиться во Францию», то он обязательно вернется в Россию «со множеством первоклассных офицеров». Именуя себя в первом лице, он уверял «миропомазанное величество» в том, что «Ламбер является самым преданным», и обещал «быть таковым до самой смерти». В депеше 25 июля 1706 г. из Копенгагена он снова уведомлял о вынужденной поездке через Берлин «во Францию для набору инженеров». Любопытно, что сохранившиеся в РГАДА письма созданы на своеобразном «слободском» языке, близком государю, по-русски, но латинскими буквами.

Реакция монарха на депеши нам неизвестна, но хочется предположить, что Петр I какое-то время продолжал верить его словам и рассчитывал на возвращение инженера с новобранцами в Россию.

На пределе приличия

Лояльное отношение продолжалось до 1710 г., времени, когда Ламбер де Герэн опубликовал в Париже обличительный трактат «Князь Кушимен...», в котором на пределе приличия, но с литературным изяществом, критиковал нравы двора и «Великого Хана», как француз именовал государя.

Ламбер не стеснялся упомянуть, что в Европе царь производил впечатление человека странного и «чуждого нашим обычаям». В то же время беглый «шер ами» отмечал привлекательные черты Петра I, его самоотверженность и непомерное желание вырвать страну из варварского состояния.

Но кто бы мог подумать, что публикация памфлета приведет к специальной операции? А получилось, что по представлению Альбрехта фон дер Литта, российского посла в Берлине, «обманщик и дезертир» 15 апреля 1711 г. был интернирован.

Ламберу де Герэну инкриминировались клеветни-

ческие высказывания против государя и А. Меншикова, а также тайные переговоры с Венецианской республикой. С парадного кафтана был сорван «рыцарский орден». Но произошло чудо, несмотря на караул, пленник бежал из-под стражи и по фальшивому паспорту выехал в Дрезден, а затем в итальянский г. Ливорно. На портрете «*Mockowitischer Ingenier-General*» известного художника Мартина Бернигерота из гаагского журнала «Новооткрытое Зеркало Мира и Городов» француз уже изображен без ордена Св. А. Первозванного.

Дальнейшие злоключения опального генерала связаны с финансовыми затруднениями. Желая подобрать команду специалистов для переезда в Петербург, он якобы хотел «у министров выманить денег на... затеянные комиссии», но «не мог получить успеха», потому что «от оных министров» был «признан за обманщика». Масло подлило русское правительство, которое утверждало, что «дезертир» отторгнут «европейскими христианскими дворами», поэтому, предъявляя «хвастовства о искусстве своем в инженерстве», он ищет службу в Константинополе. Более того, русские дипломаты обвинили Ламбера в шпионаже, будто он «места около Азова и Черкаского... знает», поэтому «подавал туркам проекты, как можно» с Россией воевать.

Последняя попытка

Однако и после этого генерал не оставлял надежды вернуться в Россию. Известны его переговоры в 1715 г. с русскими послами, которые согласи-

лись на возврат инженера, но обязали найти столько средств, сколько «на тот вояж... будет потребно». Реальная оплата гарантировалась лишь после уведомления, что инженер доехал до границы российского государства. По существу, сбор «прогонных» и сумма для найма специалистов перекладывались на самого генерала. В результате генерал-инженер «признав, что... обмануть не может, в том отрекся».

Последнюю попытку вернуться в Петербург загнанный в угол кавалер предпринял 6 июля 1715 г. В письме Петру I из Ливорно он умолял царя «паки принять его в свою службу» и напоминал «о своих важных оказанных России услугах» и «о получении за оные ордена Св. Андрея». Возвращаясь к событиям в Гродно, он объяснял, что ушел вынужденно, «избегая злобы и ненависти грозивших ему российских бояр». Но раскаяние не смягчило сердце монарха и «требование сие оставлено без ответа».

Доведенный до отчаяния, Жозеф Гаспар Ламбер де Герэн в 1717 г. отказался от возможных царских щедрот. В послании герцогу Орлеанскому «шер ами» с горькой бравадой заявлял: «Я весьма счастлив, что мне удалось целым и невредимым выбраться из пределов владений этого государя и очутиться в самом цветущем королевстве вселенной, где сухой хлеб да вода стоят всей Московии». Так была поставлена точка в драматической судьбе человека из французского Дофина, связанного с историей России и Карелии.

Михаил Юрьевич ДАНКОВ

родился в 1954 г. в Архангельске.

Окончил Петрозаводский государственный университет.

Научный сотрудник Национального музея Республики Карелия.

Автор 190 печатных научных трудов по истории и культуре Русского Севера.

Публиковался в журналах «Север», «Carelia», «Музеи России»,

«Цитадель», «Гангут», «Корттик», «Экохроника», «Чело»,

«Рейтар», «История в подробностях».

Работа поддерживалась Институтом

«Открытое общество» (Фонд Сороса),

Шведским институтом (Стокгольм),

Национальным музеем Мальты (Ла Валлетта),

Восточноевропейским архивом при университете г. Бремена (Германия).

Научный руководитель исследовательского проекта «Осударева дорога»,

действительный член Русского Географического общества,

член Союза дизайнеров России.

